

Давным-давно в далекой-далекой галактике...

X

Звездные войны

X

Ангел Вейдера

X Галактику охватила тьма.

Галактической Республики больше нет, ее поглотил
злобный повелитель ситхов Дарт Сидиус
и превратил в безжалостную Галактическую Империю.

X

В надежде положить конец этому ужасному правлению террора,
группа сенаторов тайно создала
АЛЬЯНС ПОВСТАНЦЕВ против Империи, альянс который теперь
борется за выживание из-за того, что Империя породила
Призрака и ученика Императора, Дарта Вейдера.

X В то время как Альянс повстанцев продолжает рушиться от рук
ситхов,
бесчисленные члены Имперского Сената, включая тайных членов Восстания, прилетели на
Корусант, чтобы отпраздновать второй год с момента создания Империи...

Сенатор Падме Амидала хотела бы иметь лучший план, чем просто попытаться
замаскироваться в самом дальнем углу бесконечного переполненного Имперского бального
зала и просто надеяться, что никто не обратит на нее внимания. Молодой сенатор вела себя
так, словно она была всего лишь обычной простой леди - и, прежде всего, лояльной имперской
гражданкой, - просто став одной из массы присутствующих, не имея никаких нерешенных
проблем, кроме вопроса о том, какой коктейль заказать или, возможно, какого имперского
холостяка пригласить на танец... Будь на ее месте кто-либо другой в галактике, элементарная
схема могла бы легко сработать, но дело в том, что Падме Амидала не была просто
присутствующим, а значит, ее план провалился, даже не начавшись. В конце концов, она,
учитывая ее ранг, статус и историю, никогда не была той, кто сливается с толпой.

С того самого момента, как красивая молодая брюнетка вошла в комнату, она почувствовала на

себе множество глаз, что означало, что ей не только не удалось остаться незамеченной, но и привлечь к себе нежелательное внимание. Именно тогда один из храбрых членов богохульной и невнимательной общины отошел от своей группы и прошел мимо нее, вторгшись в ее пространство и остановившись всего в нескольких футах от нее со странным взглядом, горящим в его глазах. Его взгляд прошелся по ее телу, и он, казалось, восхищался тем, как идеально сидит на ней платье, обнимая каждый изгиб в нужных местах.

Падме сглотнула комок, образовавшийся в горле под развратным взглядом незнакомца, ей стало неловко и унижительно. Она отвернулась, пока ее тревога не была принята за робкий интерес, и ей не пришлось бы потакать попыткам бедняги завязать нежеланное и безответное знакомство. Она отошла и сделала небольшой глоток своего напитка, чтобы успокоить нервы.

Может быть, мне следовало надеть что-то более скромное, подумала она, глядя на облегающую темно-синюю ткань своего нового вечернего платья.

Хотя она была не чужда внимания, будучи сенатором и бывшей королевой, сейчас было не время и не место для такого признания, и ей следовало подумать об этом, когда она выбирала наряд для этого вечера. Она снова опустила взгляд на платье, заметив, что еще один мужчина смотрит на нее тем же горящим взглядом, который она бесчисленное количество раз за вечер видела в глазах каждого мужчины, который смотрел в ее сторону. Она подавила вздох. Что касается скандала, то она могла бы надеть что-нибудь гораздо более скандальное для этого вечера. Платье, хотя и отличалось от ее обычного наряда, в целом, было не так уж плохо. Оно было довольно консервативным и ниспадало каскадом далеко за щиколотки. У него даже были длинные рукава и воротник, который самым элегантным образом обхватывал область груди до шеи. Просто оно было немного плотнее, чем обычно, что она не учла при выборе платья, но теперь глубоко сожалела об этом.

Она не могла отделаться от мысли, что, возможно, если бы она надела что-то более скромное, она могла бы, по крайней мере, использовать скромность в своих интересах, позволяя себе немного больше шансов слиться с фоном вечеринки, вместо того чтобы привлекать к себе такое отчаянное внимание. Только став сенатором за три года до этого, Падме начала больше проявлять свою сексуальность во время подобных мероприятий, по крайней мере, в таких простых вещах, как одежда. Падме больше не ограничивалась почетными привычными образами королевы Набу, безвкусными платьями и десятью килограммами традиционного макияжа.

Пока она занимала свой пост, ее мало заботили проверенные временем и привычные правила. Законы, установленные ее народом, соблюдались многие луны и многими славными женщинами, пришедшими до нее, и Падме была счастлива следовать по их славным стопам, не задумываясь о последствиях. Да, вначале эти правила было легче всего соблюдать. В конце концов, она была всего лишь ребенком, когда ее избрали королевой ее родного мира. Ребенок без женской фигуры: без груди, без месячного цикла. В то время она даже не задумывалась о своем будущем в политике. Так почему же ее должно было волновать, что ее оденут в яркие одежды? Почему ее должно волновать, если они прячут ее под громоздкими нарядами и кучей косметики, которая, по крайней мере, чаще всего защищала ее личность, чем нет.

Нет, до поры до времени ей было легко следовать правилам, почти слишком легко, пока она не достигла определенного возраста. Примерно в шестнадцать лет в ней произошла перемена. Это изменение проявилось и во внешности. В это время женщина действительно становилась женщиной, по крайней мере, в физическом смысле. Когда официально начались месячные, и в ее теле произошли всевозможные изменения, такие как появление круглых пышных грудей на груди или редких волос на других, более интимных участках тела, и все это было должным

образом обработано самыми квалифицированными специалистами. Тогда Падме не ощущала никаких последствий, в то время как все ее ровесницы могли принимать свои изменения наедине с друзьями, а ее изменения были тщательно скрыты, но при этом о них знали все ее сотрудники.

Падме понимала, что чувствовать себя так, как она чувствовала, было глупо, но от этого не становилось менее правдивым. Хотя она не обращала внимания на свои чувства, пока не наступила следующая черед перемены. Еще одна новая глава в ее жизни, когда все ее сверстницы обзавелись женихами, а Падме осталась несколько растрепанной. У нее тоже были достойные женихи, гораздо более подходящие, чем большинство, но только один или два были более знакомы, чем остальные. В частности, один, о котором она могла думать. Однако, в отличие от многих ее сверстников, дальше этого дело не заходило. Никогда не выходило за рамки обеда, или прогулки, или какого-то другого подходящего мероприятия с некой свитой. Возможно, бывали случаи, когда в садах украдкой целовались, или шептались перед прощанием, но никогда ничего не переходило в нечто большее. У нее никогда не было настоящих отношений, или, осмелюсь сказать, парня.

В таком положении, как у нее, трудно было обрести что-то подобное. Сейчас она сенатор, а тогда была королевой. У королевы были гораздо более важные обязанности, чем оставлять место в своем сознании для такого вопроса или, тем более, свободное место в своем календаре. Королева всегда была занята какими-то испытаниями, и ее всегда сопровождали. Кроме того, она дала определенные клятвы. Клятвы, которые она намеревалась сдерживать. Обет безбрачия. Обет воздержания. Обет чистоты. Воздерживаться от всего подобного, что могло бы угрожать ее заветному девичеству, до замужества, причем до брака с самым достойным женихом, не меньше. Даже сейчас, после окончания последнего срока службы, от нее ожидали соблюдения этого обета. Оставаться безупречной девственницей, сохраняя чистоту и изящество королевы Набу, до свадьбы.

Когда она впервые давала эту клятву, она не казалась ей таким уж тяжелым испытанием, но теперь это представляло некоторую опасность. Дело было не в том, что у нее были проблемы с самими клятвами, а скорее в том, как это делали все вокруг. Падме хотела бы соблюдать такие обеты, и у нее не было с этим проблем, поскольку они соответствовали убеждениям и ее семьи, но она должна была признать, что тяжело наблюдать, как все те, с кем ты выросла, имеют такой разный опыт. Большинство ее друзей лишились девственности, пока Падме была на встречах с представителями. Они могли выставлять напоказ свои физические изменения, в то время как ее изменения оставались полностью скрытыми. Большинство ее подруг уже были замужем и имели собственных детей или, по крайней мере, серьезных спутников жизни, в то время как Падме все еще находилась на низшей ступени своей политической карьеры.

Падме снова вздохнула, сделав еще один глоток своего напитка. Такая жизнь, простая жизнь матери и жены, всегда была тем, чего она жаждала. Если бы не Сила, у которой были другие планы на ее счет. Вот почему она была готова довольствоваться хотя бы малой толикой внимания, ведь, несмотря ни на что, теперь ее могли видеть. И внимание это было не ради восторга мужчин или ненависти других женщин, а исключительно ради нее. Потому что она была женщиной, которую больше не скрывали. Она была сенатором, если не больше. И помимо всего прочего, это было напоминанием всем, что она не ребенок.....

"Добрый вечер, сенатор", - сказал другой посетитель вечеринки, приближаясь с такими же чертовски горящими глазами. "Хорошо проводите вечер?"

<http://tl.rulate.ru/book/79802/2415111>